

— Фу-у-у!

Кэ Сиюй первым не выдержал этого приступа сентиментальности. Он принялся неистово трясти Линь Ци за плечи.

— Замолчи! Ладно, я верю, только прекрати, это просто невыносимо приторно!

Линь Ци не знал, смеяться ему или плакать.

— И что тут невыносимого?

Шэнь Хаоцянь чувствовал себя примерно так же. Он демонстративно потёр предплечья, по которым пробежали мурашки.

— У меня аж зубы заныли. Ладно, ты свободен, можешь не приходить. А вот ты, Сяо Юй, быть обязан.

— Есть! — Кэ Сиюй шутливо отдал честь, расплывшись в привычной ухмылке. — Секретарь, а нельзя ли перенести нашу встречу в шашлычную?

— Имейте хоть каплю уважения к прекрасным дамам! Какая шашлычная в дыму и гари? Мы забронировали тематическое кафе, и это не обсуждается.

Шэнь Хаоцянь махнул рукой на прощание.

— Всё, я ушёл. Не забудьте — сегодня днём лекции.

— Доброго пути, секретарь! — помахал ему вслед Кэ Сиюй.

Линь Ци тоже вежливо попрощался. Мэн Хуэй всё это время сидел молча, опустив голову и не сводя взгляда со столешницы. Кэ Сиюй продолжал сыпать шуточками, а Линь Ци, доедая завтрак, время от времени вставлял короткие реплики.

— Ну, я в библиотеку, — Кэ Сиюй хлопнул друга по плечу. — Бывай, Казанова.

— Иди уже, — беззлобно отозвался Линь Ци.

В комнате воцарилась тишина. Юноша продолжал помешивать ложкой в миске с соевым

молоком, не поднимая глаз. Он физически ощущал, как аура вокруг Мэн Хуэя с каждой минутой становится всё тяжелее и мрачнее.

За годы, проведённые бок о бок, они научились понимать друг друга без слов, интуитивно чувствуя ту невидимую черту, которую не стоило переступать.

— И правда есть такой человек? — наконец нарушил молчание Мэн Хуэй. Голос его звучал глухо и медленно.

— Да, — тихо ответил Линь Ци.

Собеседник надолго замолчал. Линь Ци рассеянно водил ложкой по дну миски — аппетит пропал окончательно. Мэн Хуэй был прекрасным человеком, его единственной опорой в этом странном мире. Не будет преувеличением сказать, что они жили, полагаясь только друг на друга, но... место, которое занимал в его сердце Ду Чэнъин, было совсем иным.

Даже если в присутствии Мэн Хуэя в его душе порой возникал знакомый трепет, Линь Ци строго обрывал себя: нельзя путать, нельзя поддаваться сомнениям. Постепенно за эти годы море его чувств успокоилось.

— Если любишь, почему вы не вместе? — спокойно спросил Мэн Хуэй.

Рука Линь Ци на мгновение замерла. Он едва заметно улыбнулся.

— Мы вместе. Я же сказал: он всегда в моём сердце.

Мэн Хуэя не покидало ощущение какой-то недоговорённости.

— Твой бывший одноклассник? — предпринял он попытку прояснить ситуацию.

Линь Ци задумался на секунду.

— Скорее... мой младший соученик.

Он произнёс это слово просто и буднично, но с какой-то особенной, глубокой серьёзностью.

— Не будем об этом, брат Хуэй. Мне тоже пора в библиотеку.

Юноша отложил ложку и принялся быстро убирать со стола. Мэн Хуэй поднялся и молча начал помогать ему.

— Вы всё ещё общаетесь? — внезапно спросил он.

— Пока нет, — Линь Ци не прерывал своего занятия.

— Вы расстались?

— Нет, мы... Просто я верю, что у нас ещё будет шанс встретиться.

— Значит, он уехал за границу?

— Угу...

Линь Ци подхватил пакет с мусором и лучезарно улыбнулся.

— Я люблю его уже очень давно.

Мэн Хуэй сидел на скамье под тенистыми платанами университетского сквера, пытаясь отыскать в лабиринтах памяти хоть какой-то след существования «того человека» в их прошлой жизни.

В том мире Линь Ци часто летал за рубеж. Мэн Хуэй не владел английским и терпеть не мог переводчиков, поэтому никогда не сопровождал партнёра в этих поездках. Линь Ци был законченным трудоголиком, он всегда возвращался максимально быстро и постоянно держал Мэн Хуэя в курсе всех дел. Трудно было представить, чтобы такой человек мог использовать рабочие командировки для тайных свиданий с любовником.

Но если это так, почему он ничего не сказал?

Разве он, при всех своих недостатках, не был для Линь Ци самым близким соратником?

И почему этот «прекрасный человек» не сделал Линь Ци счастливым? Или... Линь Ци просто не показывал свою радость при нём?

Линь Ци был его правой рукой, его опорой во всём. Даже когда Мэн Хуэй совершал роковые ошибки, юноша безропотно разгребал последствия, прикрывая его спину. А чем отплатил ему сам Мэн Хуэй? Половиной компании? Но Линь Ци заслужил её своим трудом. А что ещё? Бесконечные ссоры, крики, хлопанье дверями и горькое раскаяние...

Кем он на самом деле был в жизни Линь Ци?

Мэн Хуэй откинул голову на спинку скамьи. Пятнистые тени листвы заплясали на его лице. Он зажмурился, вслушиваясь в биение собственного сердца, не в силах выбраться из омота путаных воспоминаний.

После лекций Кэ Сиюй объявил, что отправляется за обновками — он вознамерился «затмить всех красоток» на предстоящей встрече.

— Нельзя же ударить в грязь лицом, мы всё-таки «несравненные близнецы», — он по-хозяйски обхватил Линь Ци за шею, тяжело вздыхая. — Груз ответственности за всё наше общежитие лёг на мои плечи. Я обязан быть сильным.

Линь Ци высвободился из его захвата.

— Я в этих игрищах не участвую, так что не приплетай меня.

— Никакого мужского самолюбия, — картинно возмутился Кэ Сиюй, поправляя волосы. — Всё, я ушёл. Ужинай без меня.

— Иди уже. Я, по-твоему, сам ложку до рта не донесу?

Линь Ци легонько подтолкнул друга, и они, посмеиваясь, разошлись.

Вечер был свободен. Линь Ци купил порцию супа с уткой и лапшой и направился к себе. По пути ему то и дело попадались знакомые, которые многозначительно подмигивали и ухмылялись.

— О-о, влюбился, значит?

— Слышали, у тебя девушка появилась?

— С тебя причитается за такое событие!

Линь Ци, чувствуя, как краснеют уши, ускорил шаг.

«Ну и длинный же язык у Сяо Юя...»

Всего за несколько часов об этой новости узнал, похоже, весь университет.

Когда он свернул в конец коридора, то увидел у окна высокую фигуру. Мэн Хуэй стоял, опершись на перила, и задумчиво смотрел вдаль. Линь Ци на мгновение замер, но тут же взял себя в руки и окликнул друга:

— Брат Хуэй!

Мэн Хуэй обернулся. Лучи заходящего летнего солнца смягчили его суровые черты, придав лицу несвойственную ему мягкость.

— Вернулся.

— Угу, — Линь Ци подошёл к двери. — Ты чего в такое время? Ужинал уже?

— Ещё нет.

Мэн Хуэй встал за его спиной. Его высокая фигура накрыла Линь Ци тенью, создавая иллюзию объятия. Линь Ци открыл дверь и приподнял пакет с едой.

— Я взял лапшу, порция большая. Поделим?

Мэн Хуэй вошёл следом за ним.

— Подожди с лапшой. Мне нужно кое-что сказать тебе.

Линь Ци почувствовал себя немного неловко.

— Хорошо.

Перед уходом Линь Ци оставил окно открытым. Сейчас в комнату врвался прохладный вечерний ветерок — куда более приятный, чем мертвенный холод кондиционера. Юноша отложил пакет и книги и присел у окна.

— Слушаю тебя, брат Хуэй.

— Я долго думал о том, что ты сказал утром, — Мэн Хуэй придвинул стул и сел напротив, пристально глядя на Линь Ци.

Линь Ци замялся под этим взглядом и непроизвольно поправил воротник.

— Хуэй...

— Если любишь — добивайся его, — негромко произнёс Мэн Хуэй. — Я поддержу тебя.

Линь Ци от удивления приоткрыл рот.

— Он ведь за границей? В наше время это не такое уж непреодолимое препятствие. О деньгах не беспокойся, — лицо Мэн Хуэя оставалось спокойным. — Семья у нас не бедная.

Штора едва слышно шелестела от ветра, задевая плечо юноши.

[Уровень почернения: 0]

Линь Ци окончательно лишился дара речи.

— Я пришёл специально, чтобы сказать это лично, — Мэн Хуэй поднялся и кивнул на пакет на столе. — Ешь давай, а то лапша разбухнет.

Дверь тихо закрылась. Раздался негромкий щелчок замка, и оцепенение Линь Ци наконец прошло.

«Система...»

«Поздравляю, — голос помощницы эхом отразился в сознании. — Уровень почернения на нуле. Это значит, что ты можешь умереть в любой момент»

«Он точно больше не почернеет?»

«Нет»

В отличие от скачков уровня почернения Ду Чэнъина, напоминавших американские горки, показатели Мэн Хуэя снижались плавно и неуклонно. Это была кривая истинного прозрения и внутреннего покоя.

«Он наконец осознал простую истину, — резюмировала Система. — По-настоящему любить — значит уметь отпускать»

Линь Ци почувствовал, как на сердце стало тяжело, словно он чем-то глубоко обидел Мэн Хуэя.

На выходных Линь Ци всё же составил компанию другу на выставке иллюстраций. В залах

царила тишина. Юноша не слишком разбирался в искусстве, он просто следовал за Мэн Хуэем, пока тот не остановился перед одним из эскизов.

Работа называлась «Свобода».

На листе была изображена птица, вырвавшаяся из клетки. Поскольку это был лишь черновик, художник прорисовал только половину образа: клетка выглядела завершённой, с чёткими, жёсткими линиями прутьев, а вот крылья птицы таяли, сливаясь с белизной бумаги.

Мэн Хуэй долго стоял неподвижно, заложив руки за спину. Затем он едва заметно улыбнулся и тихо спросил:

— Если бы тебе предложили закончить этот рисунок, как бы ты передал тему свободы?

— Я же совсем не умею рисовать, — смущённо прошептал Линь Ци.

— Просто представь.

Линь Ци задумался.

— Дорисовал бы крылья? Сделал бы их побольше?

Мэн Хуэй не ответил, лишь задумчиво склонил голову.

— А ты, брат Хуэй? — спросил Линь Ци.

Мэн Хуэй перевёл взгляд на неоконченный набросок.

— Я бы просто стёр клетку.

Линь Ци улыбнулся.

— Брат Хуэй, это же жульничество.

Мэн Хуэй ласково взъерошил его волосы. Взгляд его был бесконечно тёплым.

— Разве ты не говорил, что если дело касается счастья, то это не жульничество, а благословение?

Да, он решил сжульничать.

Раз уж судьба даровала ему шанс на перерождение, он не станет той клеткой, что удерживает Линь Ци. У этого юноши должен быть весь мир под крылом.

После той выставки Мэн Хуэй стал заметно отдаляться. Даже Кэ Сиюй это почувствовал.

— Что-то брат Хуэй к нам совсем заходить перестал, — заметил он как-то раз.

— У них в Институте архитектуры завал, — отмахнулся Линь Ци. — Третий курс, пора практику искать, вот все и бегают.

Кэ Сиюй недоверчиво потёр подбородок.

— Серьёзно? А мне казалось, на той встрече архитекторы выглядели вполне расслабленными. Вы что, поссорились?

— Вечно ты чепуху несёшь.

Линь Ци легонько толкнул друга, скинул тапочки и забрался на свою верхнюю полку, задёрнув занавеску. Кэ Сиюй подтянулся на лестнице и зашептал:

— Ну правда. Брат Хуэй не из тех, кто затевает ссоры. Значит, это ты его обидел.

Вжик! Из-за шторы вылетела шоколадка. Кэ Сиюй ловко поймал угощение.

— Понял, намёк принят. Молчу-молчу.

Линь Ци отвернулся к стене. В груди словно застрял ком ваты — странная, давящая пустота, которую невозможно было ни проглотить, ни выплюнуть. Казалось, он задолжал Мэн Хуэю огромную сумму, которую никогда не сможет вернуть... Но Мэн Хуэй заслуживал того, чтобы найти свою настоящую любовь.

— Эй, ты куда это?!

Кэ Сиюй, дожжёвывая шоколад, удивлённо посмотрел на Линь Ци, который внезапно сорвался с места и выбежал из комнаты.

— В шлёпках-то куда так нестись?!

Здание Института архитектуры располагалось далеко от Института гуманитарных наук. Линь Ци бежал в своих вьетнамках, и когда одна из них соскочила, ему пришлось вернуться и обуться. Бежать больше не получалось, пришлось перейти на быстрый шаг. Вечерний воздух был душным, и Линь Ци мгновенно взмок от пота.

Идя по дорожке, он невольно думал о том, как же это далеко. А ведь Мэн Хуэй всегда приходил к нему в отличном настроении, и завтрак в его руках неизменно оставался горячим. Тот «ком ваты» в груди юноши словно напитался водой и стал ещё тяжелее.

Наконец впереди показались очертания нужного корпуса. Линь Ци невольно ускорил шаг. Под сенью цветущего османтуса хрупкая девушка, краснея, признавалась высокому юноше:

— Мэн Хуэй, ты мне очень нравишься...

Линь Ци замер как вкопанный.

— Прости, но моё сердце уже занято, — ровным голосом ответил Мэн Хуэй.

— Тогда... можем мы остаться друзьями? — пролепетала девушка.

— Нет, — отрезал он.

После такого резкого отказа бедняжке ничего не оставалось, кроме как поспешно уйти.

Линь Ци быстро отвернулся и спрятался за ближайшей колонной. Он перевёл дух, только когда шаги девушки стихли, но в этот момент чья-то рука легла ему на плечо. Линь Ци подпрыгнул от неожиданности, а обернувшись, увидел спокойное лицо Мэн Хуэя.

— Ты чего здесь забыл?

Юноша прибежал сюда на эмоциях — он хотел всё объяснить, убедить Мэн Хуэя найти кого-то другого, но теперь, оказавшись свидетелем этой сцены, почувствовал себя крайне неловко.

— Да так... просто... проголодался, а в комнате шаром покати.

Оправдание было шито белыми нитками, но Мэн Хуэй не стал его разоблачать.

— Всё слышал?

— Ну... — Линь Ци замялся. — Брат Хуэй, зачем же ты так сурово с ней? Она же просто призналась.

— Если она любит меня, продолжать общение под видом дружбы — значит причинять ей ещё большую боль, — просто ответил он.

И в этот момент Линь Ци наконец понял, почему та «вата» в груди так мешала ему дышать.

— Не бери в голову и не вздумай винить себя.

Мэн Хуэй ободряюще сжал его плечо.

— Я всегда буду рядом, в какой бы роли ты ни пожелал меня видеть. Если ты не любишь меня — пусть так. Я всё равно навсегда останусь твоим братом Хуэем.

<http://bllate.org/book/15815/1435641>